

Много шума из ничего?

ЕС договорился о создании оборонного союза. Но это вовсе не исторический момент.

Читайте эту статью также на немецком языке

В середине ноября, когда министры иностранных дел и министры обороны ЕС подписали декларацию о Постоянном структурированном сотрудничестве по вопросам безопасности и обороны (Permanent Structured Cooperation, PESCO), говорилось об «историческом шаге». PESCO – это пока что неиспользованная часть Лиссабонского договора, который позволяет государствам Евросоюза теснее сплотиться для военной кооперации.

Внезапно выросший интерес к большему военному сотрудничеству европейцев имеет несколько причин. К ним относятся нестабильное положение в сфере безопасности на Ближнем Востоке и страх – особенно у восточно-европейских государств – перед нападением со стороны России. Важную роль, однако, играют также противоречивые высказывания Дональда Трампа о НАТО, которые вызвали сомнение, остаются ли США надежным партнером в политике безопасности.

А вообще-то европейцы имеют довольно глубинный интерес к тесному военному сотрудничеству: хотя расходы на оборону стран – членов ЕС соответствуют примерно 45 процентам военного бюджета США, эффективность европейской обороны составляет лишь около 15 процентов от американской. Вместе с тем в прошлом году ЕС в своей глобальной стратегии сформулировал желание большей стратегической автономии. Отсюда возникает также вопрос о необходимом инструментарии. Кроме того, примеры из прошлого показывают, что происходит, когда страны-участницы хотят сотрудничать, но не имеют в своем распоряжении необходимых ресурсов. Здесь достаточно лишь вспомнить о войне в Югославии или эпидемии вируса Эбола.

Спящая красавица Лиссабонского договора

Во всяком случае, достаточно веские причины для большего сотрудничества в области обороны есть всегда, и PESCO предлагает широкий спектр небюрократических возможностей приводить интересы участников к общему знаменателю. Не напрасно президент Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер назвал это соглашение «спящей красавицей Лиссабонского договора».

Соглашение предусматривает, что страны, соответствующие строгим критериям относительно военных способностей, объединяются и берут на себя обязательства в рамках совместных целей. Это своего рода оборонительно-политический авангард, который должен проложить путь для глубокой интеграции в сфере обороны. Вступление других стран возможно при соответствии критериям в любое время.

Именно на этом фоне еще перед нотификацией разгорелась дискуссия о том, в каком формате должно начаться это сотрудничество. Германия следовала в большей степени интегративному подходу, чтобы с самого начала позволить по возможности большему числу государств-членов участвовать в проекте. Франция, напротив, предпочитала более высокие барьеры для вступления, чтобы ускорить эффективное сотрудничество.

*Кто бы мог подумать,
что почти все
государства – члены ЕС
выполняют
«амбициозные
критерии»
относительно их
военных способностей?*

Результатом оказался, как это часто бывает, компромисс: Париж согласился на менее строгие кондиции вступления, но привязал их к условию обязательного обеспечения странами-претендентами более высоких стандартов в жестко указываемые сроки. Этот компромисс выявился, однако, ошибочным приемом. Потому что вследствие смягчения требований к условиям вступления размывалось требование к сотрудничеству. Соответственно ни к чему не обязывающими читаются требования к государствам – участникам соглашения: «обязуются планировать» или «обязуются прилагать более активные старания». Несколько конкретных цифр об оборонных расходах больше соответствуют повторениям старых требований и не обеспечены контрольным механизмом. Во многих местах

ссылаются на сугубо добровольный характер механизма CARD (Механизм контроля Европейского оборонного агентства).

Также и членский состав особо не вдохновляет: сразу 23 из 28 государств – членов ЕС подписали декларацию, еще два присоединились в начале декабря. Кто бы мог подумать, что почти все государства – члены ЕС выполняют «амбициозные критерии» относительно военных способностей? Более того, поражает, что явные скептики углубленной интеграции в сфере обороны присоединились к этому проекту, например, Польша. Польский министр обороны Антоний Мацеревич слывет [<link gubniki vneshnjaja-politika-i-bezopasnost statja show start-oboronnomu-sojuzu-es-404>](#) отъявленным противником PESCO и преследует, очевидно, свои собственные интересы. Уже перед подписанием Мацеревич объявил, что его страна будет принимать участие только на определенных условиях сотрудничества внутри PESCO. И шутником будет назван тот, кто здесь подозревает тактику затягивания процесса.

Ко всем этим трудностям прибавляются замысловатые рамочные условия, которые уже сегодня определяют сотрудничество в области обороны: большое число брюссельских институций и трудные процессы согласования. Именно здесь должно быть заложено преимущество маленькой группы: вместо нынешних 25 за получение большинства голосов для совместного проекта должно бороться значительно меньше государств. Так как решения PESCO будут приниматься единогласно, то большое число участвующих государств грозит превратить идею быстрореагирующей группы в объективную реальность медлительного конвоя.

С самого начала было очевидно, что имплементация PESCO будет проходить не без трудностей

С самого начала было очевидно, что имплементация PESCO будет проходить не без трудностей. При этом в проекте спрятано множество шансов: углубленная интеграция в сфере обороны решающим образом усилила бы европейский оборонный потенциал, например, с помощью более стремительных сил быстрого реагирования. Экономия средств, которая возникает благодаря эффектам синергии различных национальных армий, могла бы разгрузить бюджеты стран-участниц. И, не в последнюю очередь, уже сегодня европейские вооруженные силы почти во всех операциях

выступают вместе – более высокая степень военного взаимодействия принесла бы важные улучшения.

Если соглашение PESCO окажется бумажным тигром, оно может в целом навредить европейской интеграции. Противники посчитали бы его очередным рухнувшим проектом в джунглях европейской оборонительной кооперации. Поэтому так важно, чтобы государства, которые действительно выступают за углубленную интеграцию в области обороны, продвигали свои проекты с постоянной активностью.

Германия берет на себя руководство четырьмя из 17 проектов. К ним относятся европейская медико-санитарная служба, полигон для строительства центра сил быстрого реагирования, центр учебно-тренировочных миссий и создание магистральных логистических хабов. Все четыре проекта смогут только тогда быть успешными, если Берлин не будет в одностороннем порядке формулировать требования, а будет постоянно привлекать своих европейских партнеров. Сюда же относится соразмерное финансовое и кадровое подпитывание проектов. Если федеральное правительство Германии действительно делает ставку на успех, то оно должно проявить здесь инициативу. Настало время выходить из укрытия.

Дирк Фёпель

Оберхаузен

Дирк Фёпель (Dirk Vöpel) в 2013 году избран прямым голосованием депутатом бундстага от избирательного округа Оберхаузен/Динслакен. С 2014 года он является членом комитета обороны, с 2015-го – членом межпарламентской конференции за совместную внешнюю политику и политику безопасности Европейского союза. Наряду с европейской оборонной политикой он занимается проблематикой НАТО и ООН.

